

18+

ПЕСНЬ ДРАУГА

История о том, как честь становится проклятием,
а выбор — дорогой в один конец.

ВЛАД НИКОЛАЕВ

Влад Николаев

**Песнь друга. Сага
о Гарда-Кеттиле — 2**

«Издательские решения»

Николаев В.

Песнь друга. Сага о Гарда-Кеттиле — 2 / В. Николаев —
«Издательские решения»,

После смерти князя Владимира Русь погружается в братоубийственную войну. Кеттиль Сигурдссон, норвежский ярл на службе Ярослава Новгородского, вновь оказывается в самом центре событий. Заговоры, предательство, плен, кровь и древние страхи идут за ним по пятам. Но страшнее мечей врагов становятся призраки прошлого и песни мертвых, звучащие все ближе. Пока князья делят власть, Кеттиль вынужден бороться не только за жизнь, но и за собственную душу.

© Николаев В.

© Издательские решения

Содержание

ПЕСНЬ ДРАУГА	6
Часть 1. Проклятие	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Песнь друга Сага о Гарда-Кеттиле — 2

Влад Николаев

© Влад Николаев, 2026

ISBN 978-5-0070-8499-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-8500-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕСНЬ ДРУГА

Часть 1. Проклятие

Глава 1

Хвала Господу!

Я пережил еще одну зиму. С каждым годом она становится все длиннее и холоднее, и мне, дряхлому старику, всё с большим трудом удается согреться. Ни тепло скудного солнца, ни жар очага не могут растопить лед, который сковывает кровь. Остается надеяться только на приход весны, каждое утро в ожидании ее благодаря Господа за то, что позволил увидеть новый рассвет, и неизменно вознося молитвы и славя Его с наступлением ночи. Очередной день прожит, а, значит, время для того, чтобы рассказать историю своей жизни, утекает, как песок меж пальцев.

Один из послушников отрыл створки окна, впустив в келью теплый ветер и шум. К старости я стал туг на ухо, но веселые трели скворцов и жаворонков все-таки расслышал, и улыбка тронула уста — их песни были мне более по нраву, нежели карканье воронов, неизменных попутчиков Зимы и Севера.

Я не мог разглядеть, но, как мне кажется, чувствовал, как набухли почки на ветвях вишни, что росла за окном. Запах разведенных поблизости костров с легкостью перекрывал смрад отсыревших каменных стен.

Мир пробуждался, а с ним возвращалась сила и в мои уставшие персты. Склонившись над желтым пергаментным листом, взял перо и только тогда заметил его обломанный конец. С сожалением покачал головой и огляделся.

На стоявшем поблизости столе лежал маленький ножик с белой рукоятью из медвежьей кости, и я, довольно крякнув, захромал к нему.

— Позволишь? — спросил у юного послушника, что склонился над книгой и был, по-видимому, хозяином ножа.

Тот с сомнением посмотрел на меня.

— Осилишь, отец?

Горькая улыбка пробежала по губам. В его годы я легко мог управиться не только ножом, но и любым другим оружием, будь то меч, топор или копье. Но то было давно. Старость любого человека делает мудрее, однако жизненный опыт сил не добавляет.

— Попытаюсь.

Я взял протянутую рукоять и, с трудом сдерживая дрожь в пальцах, провел лезвием по кончику пера. Получилось плохо, и юноша сжалился над стариком.

— Я помогу, отец.

В его руках работа спорилась, а я, улучив момент, заглянул в книгу, над которой он работал. Юноша умел держать в руках не только нож, но и перо. Твердый почерк, ровность букв и плавность линий заставили в очередной раз вздохнуть по молодым годам.

— Держи, отец.

Я взял протянутое перо, поблагодарил за помощь и направился к своему столу.

— Ты буквы-то хоть помнишь, отец? — юноша, чей привычный уклад жизни нарушила моя просьба, решил продолжить беседу.

— Буквы? А как же! — улыбнулся я, примостившись на лавку. — Вот «Ж» — живот, жизнь. А вот «С» — слово, свет, — я как сейчас помнил отца Власия, что склонился над книгой и тыкал пальцем в строки. Говорят, годы стирают из памяти лица, и в большинстве случаев так и есть. Но черты новгородского монаха, где-то настойчивые и озлобленные, где-то расстроены и бессильные, до сих пор стояли перед глазами. Он был старательным наставником все то

время, что мы жили в поселении, именуемом Мокрым, где его усилиями и молитвами непонятные каракули стали для меня превращаться сперва в буквы, затем — в слова и целые тексты.

— И, правда, помнишь, — улыбнулся юноша.

Да, я помнил их всех. И все же в первую очередь в голове всплывали не названные мною буквы, а совсем другие, мрачные и обдающие холодом. М — Морана, и Х — Хельхейм.

Ибо вслед за мной в поселение Мокрое пришла сама Смерть.

* * *

Старик определенно не хотел умирать.

Языки пламени лизали ему пятки. Дымом заволокло как его тщедушное тело, так и крону дерева, к которому он был привязан. Искры взлетали все выше, словно намеренно метя на одежду и седую бороду. Силы им не хватало, и они тут же тухли, но совсем скоро жар высушит тонкую ткань и волосы, и старик вспыхнет ярче падающей звезды. Но пока этого не случилось, он продолжал кидать полные ненависти взгляды в мою сторону.

Я поражался его терпению. Любой другой человек уже бы извивался как червь на крючке и умолял о скорой смерти и избавлении от мучений, но он молчал. Не опускал голову, лишь крепко сжал кулаки и молчал. Вяз, к которому его привязали на расстоянии локтя от земли, был таким же дряхлым, с превратившейся в труху корой и сухими ветками. Все было сделано, чтобы казнь была быстрой, но старик определенно не хотел умирать.

Жар от огня становился невыносимым. Мой жеребец беспокойно переминался с ноги на ногу, и только твердая рука удерживала его на месте. Я должен был довести дело до конца и не оставлять место казни, хоть и противился ее исполнению. Видят Боги, я не желал смерти старику, для которого и так любой день мог стать последним, но Аскель оказался на редкость настойчивым, и его доводы меня убедили. Однако виновным в происходящем был даже не брат, и уж конечно не обезумевший от горя старик. Всю вину за пролитую кровь я возлагал совсем на другого человека. Человека, которого в этот момент даже не было рядом, но его незримое присутствие ощущалось непрестанно.

Новгородского князя.

— Мокрое, — сказал мне незадолго до этого Ярослав, и его перст уткнулся в точку на карте, где сходились два русла реки. — Ты был там, ярл Кеттиль.

Я посмотрел на указанное место. Две тонкие змейки, обозначающие русла, тянулись от Волхова, но таких кривых линий на карте было бесчисленное множество, и я пожал плечами.

— Не помню, господин.

— Небольшое поселение на южных рубежах новгородской земли, — пояснил князь. — Прошлым летом ты сопровождал рыцаря Херика и проходил по этим местам.

Я внимательней посмотрел на пожелтевший лист, на котором некогда рука какого-то монаха нацарапала непонятные мне названия и прочертила линии, должны обозначать реки, леса и границы. Княжеский ноготь продолжал упираться в то место, где, по словам Ярослава, мне приходилось бывать. Между двумя голубыми линиями располагался круг потускневшего зеленого цвета, судя по всему лес, и пара треугольников. Над ними красовалась надпись, прочитать которую я был не в силах, но не доверять князю причин не было и в помине. Он указывал на поселение Мокрое.

— Возможно, господин, — покорно ответил я. — Мы проходили через много земель.

Прошлым летом я с Остромиром, сыном новгородского боярина Константина, сопровождал до Туровского княжества рыцаря Херика, человека короля Болеслава. Он вез с собой письмо князя, и нашей задачей было не допустить, чтобы оно попало в руки киевлян, чьи отряды заволокли все земли от Киева до Полоцка. Избежать встречи с ними нам не удалось. Более того, перехватить рыцаря Херика отправился сам Борис, сын Великого князя Влади-

мира. Мы остановили претендента на киевский престол, и Херик избежал плена, а я нажил еще одного могущественного врага.

Одним из таких врагов на тот момент я считал и Остромира. Хвала Богам, он перестал быть таковым, хотя поначалу, не скрывая, жаждал моей смерти. После того похода и последующей битвы в Кирьялаланде мы стали друзьями, и более верного меча я бы не сыскал во всем Новгороде.

С тех пор минул год. Вслед за осенью и схваткой с норвежским королем Свейном и ярлом Рагнармом прошла зима. Мороз сковал не только реки, но и попытки враждующих братьев, Ярослава и Бориса, начать войну. С приходом весны они возобновились. Вместе с перелетными птицами на новгородские земли нагрянули и отряды киевлян. Их целью были мелкие поселения, которые они сжигали, убивая людей и скот. Не лучший способ двум княжествам прийти к миру, но, видимо, он высокородных князей интересовал в последнюю очередь. На кону был Киевский Стол, а он стоил многих жизней. И, похоже, Ярославу понадобились и наши.

— Ты был там, — настаивал князь, — но допускаю, что мог и забыть. Да это не столь и важно.

Я кивнул, готовясь выслушать волю господина.

Мы находились в Ракоме, облюбованном князем поселении, где в свое время надо мной был устроен суд. Сейчас я сидел за тем же столом, за которым когда-то стоял в ожидании приговора. За год в убранстве комнаты ничего не изменилось, разве что добавилась еще одна икона в углу. Ярослав был набожным человеком. Тем удивительней казалась его связь с нами, людьми с Севера, почитающими старых Богов. Но, похоже, князь не путал веру с торговыми отношениями. А мы были именно торговцами. Разница лишь в том, что нашим товаром были не ткани и пряности, а жизни. Ярослав купил их вкуче с мечами, и цену конунг выторговал немалую. Близился конец срока договора, и Эймунд, помня о пользе северян в схватке с королем Свейном, мог рассчитывать получить от князя не меньше. А я, этим летом, как и прошлым, судя по всему, становился разменной монетой в торгах.

Потому что Ярослав решил дать мне очередное задание.

— Поселение Мокрое находится на границе с Полоцким княжеством, — продолжил князь, оторвав, наконец, перст от карты и усаживаясь в кресло с высокой спинкой. — Небольшое, ничем не примечательное.

— И все же тебя, господин, оно интересует, — заметил я и бросил взгляд на конунга.

Эймунд сидел напротив, старательно изучая сделанные когда-то надписи на пожелтевшем листе. За прошедший на Руси год он достаточно хорошо научился изъясняться на местном наречии, но складывать в слова непонятные буквы было для него непосильной задачей, и я едва сдержал улыбку при виде нахмуренных бровей конунга, должных, похоже, означать, что он все-таки овладел волшебством, как сам же именовал грамоту.

— Рядом проходит дорога на Киев, — пояснил князь. — А так же, как видишь, лес и река. И именно отсюда по всем близлежащим поселениям разлетаются отряды Бориса.

Отряды Бориса сновали повсюду на южных рубежах Новгородского княжества, и потому приведенный Ярославом довод не показался мне весомым. Сомнение, мельком пробежавшее во взгляде, не укрылось от князя, и он добавил:

— Мокрое — не единственное место, страдающее от набегов. Но здесь удар киевлян наиболее силен.

— Поселение защищено? — спросил Эймунд.

— Да, три десятка воинов — отряд достаточно велик, чтобы мелкие отряды Бориса держались подальше от пролегающей рядом дороги.

— Но они этого не делают?

Ярослав разочарованно развел руками.

— Староста поселения, Вышеслав, больше думает о мошне, и воины стали его личной охраной.

Этот ответ более походил на правду. Вряд ли какому князю понравится, что на его земле кто-то устраивает свое собственное княжество?

— Так посади там другого человека, господин, — высказал Эймунд саму собой напрашивающуюся мысль.

— Именно это я и хочу сделать.

Взгляд Ярослава, устремленный на меня, говорил яснее слов, и мне оставалось лишь внимательнее прежнего всмотреться в место на карте, куда указал перед этим князь. На мгновение в комнате воцарилась тишина — только ветер, поиграв ветвями вяза за окном, врывается в открытые створки, да резкий свист кнута, пройдясь по спине скотины, заставил залиться лаем дворнягу где-то вдали.

— Как мне поступить с провинившимся старостой? — нарушил я молчание.

— Вышеслав вырос в тех местах, и будет тебе полезен, — задумчиво произнес князь. — Держи его при себе. И не спускай с него глаз. Позднее я дам знать, как с ним поступить, — Ярослав указал на свернутый лист бумаги, чем вызвал у меня и конунга непроизвольные смешки.

— От твоих писем будет немного толку, — презрительно кивнул я в сторону свертка. — Разве что костер разжечь, или зад подтереть.

Вместо ответа Ярослав только улыбнулся, а следующим утром я узнал — почему.

— Мне поручено обучить тебя грамоте, господин, — заявил отец Власий, взгромоздясь на тощую кобылу. Выглядел он смешно — длинные ноги монаха почти касались земли, а сам он то и дело сползал с седла набок, отчего ему постоянно приходилось подпрыгивать, усаживаясь поудобнее. Но от его слов мне было не до смеха. — Читать и писать, господин.

Именно отец Власий был тем человеком, что спас всем нам жизни в лесах Кирьялаланда, когда его хитрая уловка с отрядом мертвых всадников заставила уйти войско короля Свейна, и я после того случая по-другому стал смотреть на него. Не скажу, что мы стали дружны, но и относиться к монаху с презрением я перестал. Бесспорно, он был умен, набожен и предан, но ко всем своим достоинствам, так же обладал и недостатками — жуткой занудностью и рабской покорностью.

— Читать и писать, говоришь? — оглянулся я, притворно зевая.

Два десятка воинов, среди которых были и новгородцы, и северяне во главе с моим братом Аскелем, с нетерпением поглядывали на нас, и ожидали только приказа выступать.

— Да, господин.

Отец Власий с торжественным видом, словно явил мне чудо, показал небольшую книжонку в потрепанном кожаном переплете. Священнослужитель с томиком молитв в руках живо напомнил о епископе Зигфриде.

«Прошло совсем немного времени, а будто вечность минула», — невольно подумал я. Сакс был тем человеком, что наградил меня хромотой и оставил на сердце рубец, участвуя с Халльвардом Ужасным в разорении Хрингарики и убийстве отца и матери. Епископ, как и ярл, были обречены. Я поклялся отомстить, и рано или поздно сделаю это, и ни Христос, ни все Боги Асгарда будут не в силах помочь им.

— Читать и писать, господин, — повторил отец Власий, прервав мрачные думы.

Я взмахнул рукой воинам.

— Выступаем! — и поддал пятками в бока жеребцу. Тот в покорности мог поспорить с самим отцом Власием, и послушно двинулся, куда было велено. Ожидание, похоже, наскучило и моим людям. Начало пути они сопровождали шутками и смехом. Мальчонка лет десяти побежал за лошадьми, пытаясь ухватить одну из них за стремя. Молодая женщина вышла на крыльцо дома у дороги и, с тоской глядя на всадников, махнула рукой. Собака кинулась под

ноги скакунам и, рискуя получить копытом, залилась лаем. Я наудачу прикоснулся к висящей на поясе фигурке лебедя — оберегу, что вырезала своими руками Свана, слепая рабыня. Близость со мной привела ее к смерти, и я сполна поквитался с убийцами. Девушку это не вернуло к жизни, но Боги, с которыми она могла разговаривать, несомненно, передали ей, что месть свершилась. Монах закричал, в который раз подпрыгнув в седле, чем вернул меня к разговору. — Для чего мне уметь читать и писать?

— Потому, господин... — начал отец Власий, но отвлекся на настойчивую собаку. Та уже бежала рядом, и его длинные ноги могли пострадать больше всего. Он лягнул пяткой не хуже, чем лошадь копытом, едва не выругался, когда зубы клацнули в опасной близости. Вовремя опомнился и перекрестил рот. — Потому, господин, что князь может отправлять тебе послания.

— Согласен, — кивнул я и поднял голову. Мы как раз проезжали через распахнутые городские ворота. Собака, словно отвоевав свои владения, осталась позади. Солнце мило-сердно пряталось за облаками. Гулко и торжественно, заставив вспорхнуть стаю голубей, зазвонил колокол. Отец Власий закрыл глаза и зашептал молитву. Я не стал ему мешать, и продолжил, когда он вновь посмотрел на меня. — Согласен, послания князь будет отправлять. Но для чего мне владеть грамотой, если бумажку сможешь прочесть и ты?

— Смогу. Но не все послания предназначены для моих глаз, господин.

— Ты зануден, как старая шлюха, оставшаяся не у дел.

Дорога была сухой. Дождь давно не радовал землю, и из-под копыт поднималось небольшое облачко пыли. Чтобы не наглотаться ею, пустили коней рысью. Для отца Власия быстрый ход казался пыткой. Он сосредоточенно смотрел на гриву лошади, сжимал коленями ее бока. Это мало помогало, и монах раскачивался в седле из стороны в сторону, как колокольный язык. Я старался не обращать внимания на его неуклюжие движения, но вот Аскель не упускал случая отпустить шутку.

Он всегда был злым на язык, и я, вспоминая отца и Исрид — мать Аскеля, — давно пришел к выводу, что скверный характер достался ему от моей мачехи. Брат никогда не скрывал неприязни ко мне, и прошлым летом, перед приходом короля Свейна, даже лжесвидетельствовал против. Головы тогда должен был лишиться либо я, либо он. Норны-волшебницы вдоволь наигрались с нашими нитями судьбы, но мы оба остались живы.

С тех пор Аскель стал более осторожен в словах. Мне же было достаточно, что его колкости не касались меня, а на остальное я закрывал глаза. Монах, в свою очередь, относился к язвительным шуткам со смирением, достойным самого Белого Бога.

Путь нам предстоял не самый далекий.

— Дня два. Возможно, чуть более, — ответил отец Власий на мой вопрос о том, когда мы увидим поселение Мокрое.

— Значит, уже завтра можно ожидать встречи с киевлянами.

— Господь на нашей стороне, и не допустит этого, — монах возвел очи к небу, словно надеялся встретиться взглядом с Богом, подтверждающим его слова.

Мы как раз и двигались на юг, чтобы столкнуться с людьми Бориса и заставить их покинуть эти земли, поэтому слышать осторожные речи отца Власия было странно, и я промолчал, а на следующий день все увидели, что Господь, вопреки словам монаха, был на стороне Киева.

Свидетельством тому было разоренное поселение. Оно располагалось на берегу небольшой речушки. У кромки воды лежала вверх дном пара лодок. Сохла, растянутая на рогатинах, длинная рыболовецкая сеть. Ни одной живой души среди десятка дворов мы не заметили. Зато убитая псина на дороге, чье тело облепили мухи, и сожженный дотла дом сразу бросились в глаза.

Грим, молодой северянин, спрыгнул с лошади и подбежал к пепелищу. Почерневшие от огня стены, на удивление, устояли. Сквозь рухнувшую крышу и дверной проём пробивался

дымок — похоже, набег произошел совсем недавно. Грим заглянул внутрь и тут же отошел в сторону. Глоток свежего воздуха не помог, и парня стошнило.

— Господь Всемогуций! — воззвал к небу отец Власий, медленно подойдя к дому и уставившись в черноту, после чего осенил себя крестом.

Пользы от Христа оказалось больше, нежели от свежего воздуха, и монах остался стоять на месте, пока Грим вытирал губы.

На полу сожженного дома лежали сжавшиеся от жара огня тела. Женщины, мужчины, или дети — понять было невозможно. Руки словно молили о пощаде, устремляясь к небесам. Безмолвные рты застыли в вечном крике боли и ужаса.

— Предайте их земле, — велел я и отвернулся.

Это заняло немного больше времени, чем я ожидал. Давно не питаемая дождями земля поддавалась с трудом, и мои люди обливались потом, выкапывая могилы.

— Мы зря тратим время, — заметил Аскель и даже не попытался скрыть недовольство в голосе.

Брата навязали мне в спутники Эймунд и Ярослав, и понять замысел этого приказа я был не в состоянии. Секрета из взаимной неприязни мы не делали, и старались как можно меньше общаться, а то и вовсе избегали встреч. Тем не менее, сейчас он стоял рядом, и я тоже был этим недоволен. Однако послушаться князя и конунга не смел, и того же мог пожелать и Аскелю, потому что именно меня назначили командующим отрядом.

— Следи за дорогой, брат, — ответил я, и это были не пустые слова.

Киевляне разорили поселение совсем недавно, и кто знает — возможно, до сих пор не покинули этих мест окончательно. Половина воинов, отложив щиты и сняв кольчуги, вгрызалась в землю, и мы были уязвимы, как стадо телят.

Аскель что-то пробормотал, но открыто перечить не осмелился.

К вечеру все мертвецы были похоронены в тени старого вяза. Отец Власий подходил к каждой могиле и на какое-то время замирал. Он закрывал глаза и читал молитвы. К нему присоединились некоторые воины, по большей части, новгородцы, которые, будучи христианами, вслед за монахом осеняли себя крестным знаменiem. Но так же я заметил среди них и северян. Юный Грим, потрясенный увиденным днем, был бледен, как морская пена.

— Как бы Грим не повернулся к Мертвому Богу, — рядом со мной возник Аскель.

Презрительный тон брата мне не понравился.

— Из Грима получится отличный воин, и мне все равно, что будет висеть на его шее — крест или молот.

Грим появился в Новгороде только этой весной, и не видел бойни прошлой осени. Он приплыл с одним из торговцев, после чего дал слово верности конунгу Эймунду, и тот с готовностью его принял. Наши ряды изрядно поредели, и новые силы были очень кстати. К тому же, я видел, с какой легкостью Грим орудовал мечом, как быстро двигался. Определенно, из него должен получиться отличный воин. Но Аскель видел только недостатки.

— Грим слаб, — не унимался он.

— Иметь сердце — это не слабость, — ответил я и, не давая брату вставить слово, указал на дома, что стояли с краю поселения. — На ночь остановимся здесь. Вели развести костры и располагаться на привал. В дозор первым пойду я. Вместе с Гримом.

Ночь выдалась темной. Чистое днем небо с сумерками оказалось затянуто тучами, и только свет пары костров хоть как-то разгонял черноту.

Я сидел на брошенном у огня седле и ворошил веткой красные уголья. Потревоженное пламя возмущалось летящими искрами и дымом, который так и норовил попасть в глаза. Мало-приятное, обычно, дело, но сегодня оно было, как нельзя, кстати. Запах смерти вперемешку со слежалой соломой, навозом и рыбьей требухой никак не хотел отступать, и я с облегчением подставлял лицо дыму.

Грим не садился. Он ходил в круге света и не спускал глаз с темных окрестностей. Рука его лежала на черене меча, и я заметил, как парень то и дело сжимал его. Грим нервничал, и мне понятны были его чувства.

В Норе мальчишкам с детства рассказывают о походах. О драккарах, что рассекают волну длинным носом, и гребцах, которых обдаёт солеными брызгами. О жарких битвах, когда меч и топор упиваются кровью, а землю устилают поверженные враги. О несметных богатствах, таких доступных и манящих.

Я был немного старше Грима, но давно понял, что жизнь не так радужна, как поется об этом в песнях и сказках. Весло до страшных ран натирает ладони, а вода и соль безжалостно разъедают плоть. В сражениях далеко не всегда верх одерживает северянин, и даже, когда он побеждает, погибают не только враги, но и его собраты. А богатства... Эйрир серебра за год службы — не баснословное богатство, но даже ради него стоит изрядно попотеть.

Мир суров, и Грим впервые с ним столкнулся. Что ж, крепче будет.

— Ты не хочешь отдохнуть? — спросил я у него.

Парень остановился.

— Нет, господин.

— Завтрашний день может быть трудным.

Грим не пошевелился. Лишь меч в который раз нервно дернулся в ножнах.

— Если бы мы шли быстрее, господин, — оставил он мое замечание без ответа, — то могли бы спасти этих несчастных от смерти.

Я вздохнул. Костер откликнулся частым треском и снопом искр.

— Мы непременно столкнемся с убийцами, Грим, непременно. И за все с ними поквитаемся.

Парень, наконец, сел напротив и уставился в огонь.

— Они будут мне сниться, — сказал он, и я понял, что речь идет не о киевлянах.

— Моих родителей сожгли у меня на глазах, — слова сами слетели с языка. Дым предательски попал в лицо, выдавив слезу. — На старом древе, которое росло много лет. Затем спалили всю деревню. Даже скот не пожалели. Я все это видел, но ничем не мог помочь, — какое-то мгновение я молчал, успокаивая бешено запрыгавшее сердце. — Мы не в состоянии спасти всех, Грим. Боги за нас решают, кому жить, а кому — нет. Что мы можем, так это отомстить.

— Ты отомстил, господин?

Я до боли в пальцах сжал ветку, и та хрустнула. Кинул ее в огонь и мрачно произнес:

— Ложись отдыхать, Грим.

Он ушел. Вслед за ним лег и я.

А на рассвете пришли гости.

Меня разбудили крики и глухие удары, и сквозь туман в голове я понял, что это древки копий бьют в щиты, предупреждая об опасности.

— Ярл Кеттиль! Господин!

Меч лежал рядом, ладонь тут же нашла рукоять. Ее тяжесть вселила уверенность, сна как не бывало.

Темнота уже отступила, небо окрасилось серым, поэтому, когда я встал в ряд с воинами, без труда увидел, из-за кого подняли шум дозорные.

Перед нами стоял отряд, не больше нашего, но у него было преимущество. Около двух десятков стрел угрожало в любой момент сорваться с тетив, а мои люди только строились в стену, прикрываясь щитами. При желании неизвестные уже могли вывести из строя с дюжину противников, а потом уж покончить с остальными, однако они не торопились. И это вселяло надежду.

За спинами стрельцов я заметил всадников. Их было двое. Шлем одного из них украшал черный волчий хвост, шею защищал кольчужный тыльник, а нащечные пластины прикрывали

лицо. Руки его были свободны, но сомнений не возникало — дай мы повод, и в них мигом окажется оружие. Воин не двигался, но от его неподвижности так и веяло угрозой. Второй всадник не прятал лицо под шлемом, подозрительно смотря на строящуюся стену щитов. Он показался мне главным в неизвестном отряде, и именно к нему я обратился:

— Кто вы? — сделал пару шагов из стены и развел руки в стороны, показывая мирные намерения.

Несколько тетив натянулись сильнее прежнего, заставив меня обратиться к Богам за помощью. Долго держать натянутым боевой лук невозможно. Сорвись стрела, и можно прощаться с жизнью — расстояние слишком мало, чтобы увернуться. Но всадник что-то сказал, похоже, успокаивая людей, и луки опустились. Стрельцы разошлись в стороны, а главарь выехал вперед.

— Это моя земля, и я в праве сам задать такой вопрос. Кто вы? — с вызовом бросил он.

Я с интересом взглянул на него. Это был тучный мужчина, мало похожий на воина, важности которому добавлял только высокий конь и блестящая кольчуга. На поясе его висел меч, но представить сверкающий клинок в руках всадника получалось с трудом. И все же он вел за собой внушительный отряд, поэтому я не сомневался, кто именно стоял передо мной, и почувствовал себя увереннее. К тому же нас явно не собирались убивать. Иначе, зачем давать выстроить стену щитов?

— Мы не угрожаем вам, — я велел своим людям спрятать мечи, и те нехотя подчинились. — Уберите оружие, и я отвечу на все твои вопросы.

Мирный жест пришелся по нраву всаднику, и он указал рукой на стрельцов.

— Луки опущены, так что тебе не о чем беспокоиться. Можешь говорить.

Стрелы оставались лежать на тетивах, хоть и не смотрели в нашу сторону. Немного, но большего уже не добиться, и мне оставалось только представиться:

— Меня зовут ярлом Кеттилем. И я пришел из Новгорода.

На губах всадника мелькнула ухмылка. Всего мгновение, и лицо вновь стало серьезным, но я успел ее заметить. Всадник определенно не вызывал доверия.

— Вышеслав, — назвался он в свою очередь и для важности добавил: — Староста этого и соседних с ним поселений. Это ваших рук дело? — рука старосты указала на разоренные дома.

— Нет. Я опоздал, и не видел, кто это сделал. Но не сомневайся, я узнаю.

Толстые губы Вышеслава расплылись в улыбке, и на этот раз он и не думал скрывать ее.

— Ты для этого пришел из Новгорода?

В голосе старосты сквозили презрение и насмешка, но я сдержался, чтобы не ответить подобно ему.

— Прими нас в своем доме. Дай кров, накорми нас и наших лошадей. И тогда я скажу, что мне здесь нужно, и чего желает от тебя князь Ярослав.

Упоминание имени князя остудило пыл Вышеслава. Он развернул лошадь и бросил через плечо:

— Что ж, ярл Кеттиль. Идите за мной, будете гостями.

* * *

— Их было восемь, — словно невзначай изрек я и вонзил зубы в кусок сочного жареного поросенка.

Капля жира по губам стекла на подбородок, где затерялась в черной как безлунная ночь бороде. А я бегло взглянул на собеседников. И без того малооживленная беседа совсем прекратилась, и вокруг наступило долгое, словно полет стрелы, молчание. Только из-за соседнего стола у противоположной стены длинной залы, где сидела большая часть моих воинов, доносились смех и разговоры. Да пара дряхлых старцев грелась на скамье у разведенного очага, и

один из них перебирал пальцами струны неизвестного мне инструмента, тихо что-то напевая. Несколько огромных собак, способных завалить медведя, крутились у ног и ловили брошенные кости, сопровождая еду громким рычанием.

А люди за нашим столом молчали.

Рядом со мной сидели Аскель, отец Власий и хускарлы Эгиль и Бьёрн. Последние двое были заложниками, коих отправил с телом Сваны Эйнар Брюхотряс. После того, как разбитое войско короля Свейна покинуло пределы Гардарики, я должен был отпустить их. Но оба воина отказались возвращаться.

— Мы давали слово верности Толстому Свейну, — объяснил Эгиль.

— Толстый Свейн мертв, — не отставал от него Бьёрн.

— Мы свободны от клятв, — продолжил Эгиль.

— Нам нужен более удачливый господин, — подвел итог Бьёрн.

Более удачливым господином они посчитали меня. Немудрено. Особенно после того, как они увидели, какими силами мы остановили короля Свейна. Помню, Эгиль, старший из них, рассмеялся в голос. Бьёрн, молодой, но уже покрытый шрамами, воин, с нескрываемым восхищением воззрился на мертвых всадников и погладил небольшие косицы, в которые была заплетена его борода.

Они мне нравились. Эгиль и Бьёрн не были братьями, и даже не скрепляли дружбу кровавыми клятвами. Но их никогда не видели порознь. К тому же любое оружие в их руках превращалось в неизбежную смерть для всякого, кто дерзнет встать у них на пути. Не зря все-таки они были хускарлами при короле. Только глупый господин откажется иметь подле себя подобных стражей. Толстый Свейн глупцом не был, но пущенное Остромиром бревно переломало не только кости опальному королю Норега, но и раздавило, словно яичную скорлупу, доверие Эйнара к тем, кто обязан был оберегать господина. Не спас короля, иди в заложники, рассудил Брюхотряс. Я же от этого только выиграл. Эгиль и Бьёрн поклялись мне в верности, и сидели сейчас — в забытом Богами поселении Мокром, — рядом со мной. Возникшее молчание не заставило хускарлов оторваться от еды, но я не сомневался — они пристально наблюдают за людьми, сидящими напротив нас.

Правды ради, из полудюжины едоков следить стоило лишь за двумя. За Вышеславом и воином, что сопровождал старосту прошлой ночью. Как и при первой нашей встрече, он был немногословен. От немого его отличали только редкие односложные ответы. Шлем не скрывал теперь лицо, и я хорошо его рассмотрел. Передо мной был человек возрастом чуть более тридцати лет, с умным, все подмечающим взглядом, волевым, заросшим щетиной, подбородком и тонкими, крепко сжатыми, губами. Грудь воина прикрывала кольчуга с медными пластинами, на которых отчетливо просматривались выбитые умелой рукой тени волков. Эти звери, чтимые и северянами, определенно были по нраву хмурому воину, и то, как обращался к нему Вышеслав, только подтверждало это. Староста называл его Волчьим Хвостом, чем еще больше подогрел мой интерес. Чувство угрозы, что охватило меня прошлой ночью, никуда не делось. Волчий Хвост, по-прежнему, выглядел опасным, готовым, словно хищник, в любой момент броситься на обидчика, и невольно заставлял следить за каждым своим словом, каждым движением. Боязни я не испытывал, но этот человек вызывал уважение. Чего при всем желании я бы не сказал о старосте.

Вышеслав как раз смеялся над собственной шуткой, вспоминая незадачливого кузнеца, что на днях получил в грудь копытом при попытке подковать ретивого жеребца, когда я вставил слово.

Рука с кружкой медовухи остановилась на полпути ко рту.

— Что?

Я посмаковал кость, кинул ее собаке — та, не моргнув, проглотила лакомство, — и окунул жирные пальцы в блюдо с водой, что стояло рядом на столе.

— Те несчастные, которых убили. В селении, где мы встретились. Их было восемь. Кружка опустилась на стол, пролив через край ценный напиток.

— Мужчины. Женщины, — продолжил я, словно не заметив замешательства старосты.
— Может, дети. Не знаю. Их заперли в избе и спалили заживо.

Вышеслав сверлил меня взглядом, но молчал, чувствуя, что я не закончил.

— Ты находился совсем рядом, менее дня пути. Хорошая дорога, которую свежие лошади пройдут и не вспотеют. Но ты ничем им не помог. Убийцы ушли, и сейчас, возможно, жгут очередной дом, набитый людьми, пока мы тут обсуждаем незадачливого кузнеца.

Староста усмехнулся.

— Ты не в Новгороде, ярл Кеттиль. Там все проще. Там тысяча верных мечей и высокие, неприступные стены. Какой глупец дерзнет бросить им вызов? Сейчас ты здесь. У тебя всего два десятка воинов. И враги, коих не счесть. Сегодня они у твоего дома. А в следующий миг уже в каком-нибудь соседнем селении, режут людей и скот. Ты с людьми несешься туда, но никого не находишь. Возвращаешься, а на собственном пороге слышишь плач, стенания, и чувствуешь запах смерти. Здесь не говорят о войне, ярл Кеттиль. Здесь воюют, — он поднял кружку с медовухой и отправил напиток в глотку. Часть пролилась по подбородку нашитый узором ворот рубахи. После чего Вышеслав вытер усы ладонью и продолжил: — Я не хочу, чтобы люди погибали, и сделаю все, дабы защитить эти земли. Так и передай князю Ярославу.

Я потянулся к запеченному гусю и оторвал крылышко.

— Я не гонец, и пришел не для того, чтобы выслушивать объяснения.

Староста насторожился.

— Тогда для чего?

— Отец Власий? — я повернулся к монаху.

— Да, господин.

— Письмо при тебе?

— Конечно, господин, — тот полез в суму, в которой хранился томик со священным писанием, и достал сверток.

Вышеслав взял протянутое письмо и в полной тишине — даже старик у очага перестал перебирать пальцами струны инструмента, — сломал печать. Бегло пробежал глазами по строкам, взглянул на меня, после чего еще раз прочитал послание князя.

Гусиное крыло, так и не тронутое полетело в ненасытную пасть псине, а я сказал:

— Мне поручено следить за дорогой на Новгород, господин. Твои люди подчиняются мне. Твои мечи — мои. И мы вместе, я и ты, господин, избавим эти земли от набегов киевлян.

Пламя в очаге было несильным, и староста сидел спиной к огню. Но даже такого тусклого света хватило, чтобы я рассмотрел, как побледнело лицо Вышеслава. Он положил письмо на стол, впериwв взор в сломанную печать. Эгиль и Бьёрн перестали жевать, готовые в любой момент броситься в бой. Волчий Хвост не двигался, но одна его рука покоилась на поясе, где без сомнения, висел нож.

— Такова воля господина нашего, князя Ярослава, сына Владимира, — разорвал тишину голос отца Власия. — Да продлит Господь его леты!

Монах перекрестился, и старосте ничего не осталось, как последовать его примеру.

— Да будет так, — выдавил он и встал из-за стола.

— Тебе стоило убить его, — сказал Аскель этим же вечером.

Мы сидели в избе, отведенной нам для жилья. Скромное убранство, обязательная икона в углу, свеча на столе. Я стянул сапог и кинул его под лавку, на которой собрался спать.

— Князь велел оставить его в живых.

— Это глупо, — не унимался брат. Он расположился на соседней лавке, но предпочел остаться одетым. Не иначе, ожидал от старосты предательства.

— Почему? Мы видим Вышеслава впервые. Князь знает его не в пример лучше.

— Ты тоже знал Рагнара хорошо.

Напоминание о ярле больно укололо в сердце. Аскель знал, что я не люблю разговоров о прошлой осени, но и злости в его словах не было. Он просто напомнил о человеческой подлости. Но к словам брата я редко прислушивался. Не стал делать этого и на сей раз.

Беззаботно снял второй сапог и упрямо повторил:

— Вышеслав нужен князю. Не мне спорить с ним. И не тебе.

Аскель фыркнул и уставился в окно. На Мокрое опустилась ночь, мутное стекло не позволяло рассмотреть что-либо, находящееся на расстоянии дальше вытянутой руки, но брат не сдавался, словно надеялся доказать мне свою правоту. Неровное пламя свечи пускало причудливые тени на стены. Из-за двери, прикрытой шкурой медведя, доносился шепот. Отец Власий возносил молитвы Белому Богу.

Я вытянулся на лавке. Сон не шел, и я сверлил взглядом низкие потолочные балки, черные от копоти.

Свеча медленно догорала, где-то во дворах залаяла собака. Отец Власий продолжал переговариваться с Христом. А брат сгорбился у окна в ожидании предательства.

Долго ждать не пришлось.

Глава 2

Все началось с мальчишки лет десяти, сына хозяина дома, в котором нас поселили. Первак, как звала сына мать, или Воробей, как окликал его я, стал тем маленьким комком снега, что, падая со склона горы, увлекает за собой целую лавину. Его появление тогда оказалось первым звеном в цепи быстро сменяющихся друг друга событий.

Однако поначалу я и подумать об этом не мог, так как тот день не отличался от любого другого так же, как походили друг на друга и любые наставления и уроки отца Власия.

— Ну же, господин, вспоминай! Только вчера об этом говорили.

Отец Власий настойчиво указывал срезанной ветвью орешника в книгу. В голосе его сквозило раздражение. Рука нервно дрожала. Мне было жаль монаха, и я не хотел его расстраивать. Но странные символы, бегущие по строчкам, никак не желали превращаться в буквы.

Мы сидели на берегу тихо несущей воды реки. Томик, так бережно хранимый отцом Власием, лежал на пне. Легкий ветер шевелил его страницы, и я, подражая монаху, аккуратно придерживал их за уголок. Жест с моей стороны верный — пусть знает, что его ученик, хоть и плохо понимает речи наставника, но внимает им со всем старанием.

— О чем я твердил весь день вчерашний? — отец Власий, словно невзначай, дернул шнурок на шее, на котором висел маленький крест.

Намек более чем понятный.

Я взглянул на буквицу.

— «Твердо»?

— Ну конечно! — монах радостно всплеснул руками, будто мною была прочитана страница целиком. Перекрестился и взялся за распятие, чуть не тыча им мне в лицо. — «Твердо», будь она благословенна! «Твердо»! — нараспев повторил он. — Похожа на крест, господин. Все верно! Так и запоминай. Любая буква на что-нибудь да схожа. «Твердо» — на крест!

Безумец! Он даже в бабе с коромыслом рассмотрел бы распятого Христа. Смех распирает меня, но я сдержался. Радость монаха была такой искренней, что омрачать ее не хотелось. Не уверен, что он с пониманием бы отнесся к тому, что в буквице, состоящей из палки с лежащей сверху поперечиной, я углядел вовсе не крест, а молот Тора. А в остальном отец Власий был прав — все эти забавные рисунки на что-нибудь да были схожи. «Слово» — на золотые браслеты, что носят воины на руках; «Шта» — на великое древо Иггдрасиль; а «Глаголи» — на виселицу. Но об этом я молчал, а просто называл буквы. Монах же приходил в восторг каждый раз, когда слышал верный ответ.

Обучение проходило трудно, и будь мы в Новгороде, я давно спровадил бы настырного святошу. Но здесь, в Мокром, мне некуда было деваться. К тому же, появилась веская причина пойти князю навстречу и познать-таки грамоту. Ею оказался староста Вышеслав. Меня удивило, что в такой дали от града, среди лесов и рек, кто-то мог свободно читать. Я отлично помнил, как письмо Ярослава перекочевало из рук монаха в руки старосты, и тот, не моргнув глазом, прочел послание. Именно это, но никак не повеление князя, и сподвигло меня сесть за томик с писанием.

Отец Власий, вдохновленный моим рвением, продолжил указывать ветвью в книгу и упорно что-то твердить. Я в ответ лишь кивал, изрядно устав, и появление Воробья оказалось сродни спасению. Никогда ранее так не радовался при виде маленького вихрастого сорванца!

— Что надобно, Первак? — нахмурил брови отец Власий. Он не любил, когда нам мешали, и от пары ударов ветвью по спине мальчишку оградило только мое присутствие.

— Господин, дозволь сказать, — тот, и глазом не моргнув, обратился ко мне. Он проявлял не больно много уважения к монаху, как его отец к христианам в целом, что, впрочем,

как я заметил, было не в диковинку в этой глуши. Здесь, конечно, молились и Христу, но не забывали и о старых Богах. Одним этим мальчонка мне нравился.

— Говори, Воробей.

— Киевляне. Их отряд замечен там.

Его рука указала в восточном направлении. От бывшего веселья не осталось и следа, и я, почувствовав, как внутри меня все сжалось от дурного предчувствия, прикоснулся к фигурке лебедя.

За те две недели, что мы провели в Мокром, я отлично изучил окрестности. Это поселение до боли в сердце напоминало Хрингарики. Здесь, так же, как и в далеком Нореге, раскиданные в беспорядке дома ютились вдоль берега реки, а к вспаханным полям подступал лес. Развешенные для просушки многочисленные сети и резкий запах рыбы указывали на тот же, что и у северян, основной промысел, а отсутствие церкви или даже небольшой часовенки только добавляло сходства. Чем Мокрое отличалось от Хрингарики — так это невысоким частоколом вокруг поселения. Заостренные бревна, кое-где даже прогнившие и не вплотную подогнанные друг к другу, обступали поселение со всех сторон, кроме реки, являя собой хоть какую-то защиту и даря драгоценное время воинам в случае нападения. Именно такой преграды не хватило моему отцу, чтобы отбить атаку Халльварда, с тоской подумал я, когда осматривал частокол.

После этого я несколько дней потратил, чтобы изучить близлежащий лес во всех направлениях и дорогу, что вела на Киев. Она меня интересовала в последнюю очередь. Я всего раз встречался с князем Борисом, но даже той недолгой беседы хватило, чтобы понять — он далеко не глупец. А на хорошо защищенную дорогу, которая змеей ползла из Новгорода в Киев, мог сунуться только умалишенный. Тропы в лесной чаще заслуживали куда больше внимания. В каждый дозор помимо людей Вышеслава шли и мои воины. Волчий Хвост, как и староста, были этим недовольны. Плохо зная местность, мы задерживаем отряд, говорили они, чем вполне могут воспользоваться киевляне. Я давал им высказаться, а потом поступал, как желал сам. Им же ничего не оставалось, как подчиниться.

Вокруг Мокрого располагались с пол десятка таких же мелких поселений, которые, как уверял Вышеслав, находились под его защитой. Вся защита, по моему мнению, сводилась к сбору дани, не давая ничего взамен, и сожженные дотла дома в день нашего появления здесь лишь подтверждали это. Я посетил их все и пытался уверить людей, что отныне им ничего не угрожает, и наши мечи тому порука. Они благодарили, угощали хлебом и рыбой с мясом. Мы уходили, но меня не покидало ощущение, что в глазах поселян царил страх, когда рядом показывался староста или его волчий прихвостень. Я пытался себя убедить, что дело в снующих тут и там киевлянах, тем более, что появлялись они часто. Их набеги стали так же привычны, как и утренние молитвы отца Власия. Мы прогоняли их, нескольких даже убили, но они, подобно мошкаре, продолжали кружить вокруг.

Потому в вестях, принесенных Воробьем, не было ничего удивительного. И все же нутро свело от плохого предчувствия. Ибо вихрастый мальчонка в этот день уже произносил те же самые слова.

Ранним утром, едва запели петухи, он разбудил меня настойчивым стуком в дверь. Первое желание — отвесить мальцу оплеуху, — улетучилось, стоило взглянуть на его испуганное лицо. Взырошенные волосы, круглые, без капли сна, глаза и учащенное дыхание — Воробей неся, сломя голову, и я, еще не услышав слов мальчишки, знал, что он скажет.

— Киевляне!

— Почему знаешь? — впопыхах натягивая рубаху, спросил я.

— Мы с отцом спускали лодку на воду, — затараторил Воробей. — Сети закинуть хотели. На рассвете — самое время! Отец всегда меня берет с собой.

— Это он тебя прислал ко мне? — перебил я его и достал из-под лавки меч. Клинок с приятным звуком заскользил по деревянным, оббитым овчинным мехом, ножнам, стоило проверить, свободно ли он ходит.

— Нет.

— Тогда кто же еще не спит в такую рань?

— Улеб Черный.

Слова Воробья застали меня в пороге дома, и я на мгновение замер.

— Старик, — поторопился объяснить мальчишка, наверняка, приняв мое замешательство за недоумение, — он никогда не спит. Отец говорит, в таких летах сон вреден. Ненароком можно и не проснуться.

— И то верно, — откликнулся я и шагнул за порог.

Улеб был тем стариком, что слушал песни скальда у очага в тот вечер, когда нас встречали в Мокром. Его длинная борода в белизне могла поспорить со свежеснеженным снегом, а прозвище Черный, видимо, сохранилось с давних времен, когда волосы имели совсем другой цвет. Хитрый взгляд из-под нависших бровей не внушал доверия, тихое бормотание злило, а длинный, как у ворона, нос, который он совал везде, где придется — раздражал. Но с этим я ничего не мог поделать. Потому как Улеб Черный был отцом Вышеслава. И как мне показалось, староста с особым вниманием и почтением прислушивался к его словам. Правды ради, все это не имело ровно никакого отношения к тому, что старик первым увидел огненные всполохи на ночном небе.

И как раз таки с этим мне надобно было что-то делать. Киевляне объявились совсем рядом, и они убивали людей, которых я обещал защищать.

Навстречу мне выбежал Вышеслав, неуклюже передвигая грузное тело на толстых, как дубовые бревна, ногах. Воины так же высыпали из домов. Из конюшен доносилось конское ржание.

— Их заметил Волчий Хвост, — староста тяжело дышал. Бег, явно, давался ему с трудом, — но у него мало сил.

— Сколько с ним людей?

— Не больше пяти.

— А киевлян?

— Похоже, с десяток.

— Тогда хватит и дюжины для подмоги.

Я окинул воинов взглядом. Многие из них уже сидели верхом и только ждали дозволения выступить. Киевлянам несдобровать, подумалось мне при виде их мрачных, решительных лиц.

— Ты их поведешь, ярл Кеттиль? — полюбопытствовал Вышеслав.

Я и впрямь собирался это сделать, но заданный впопыхах вопрос остановил меня. В нем сквозила странная спешка, причина которой была непонятна.

— В этом нет нужды, — пожал плечами я и отметил, как нервно сжимал рукоять меча староста. Отчего-то именно этот вражеский отряд не давал ему покоя. — Там уже есть Волчий Хвост. Или ты ему не доверяешь?

Борода Вышеслава не могла скрыть кривую ухмылку, когда он издал едва слышный смешок, а в его глазах мне померещился недовольный огонек. Все это я отнес за беспокойство, хотя ранее он и не был замечен в излишней заботе о соседних поселениях.

— Отчего же? Доверяю.

— Тогда мы просто теряем время. Отряд поведут Бьерн и Эгиль, — сказал я и сделал жест хускарлам, которые уже стояли рядом. — Этого достаточно.

— Бьерн и Эгиль? — удивился Вышеслав, словно впервые их видел.

Мне не понравилось пренебрежение, которым сквозил вопрос старосты, но я оставил его без ответа и повернулся к хускарлам.

— Возьмете десяток людей.

— Да, господин.

— Никто из киевлян не должен уйти.

— Волчий Хвост? Ежели он будет против преследования?

Я махнул рукой. Мне было плевать на него, а единственным моим желанием было покончить с набегами киевлян. За все время нахождения в Мокром этот случай стал первым, когда нас удалось застать врасплох, и я не собирался закрывать на него глаза.

— Он может вернуться. А вы добейте врага.

— Да, господин, — ответили хускарлы, и в них я не сомневался.

Отряд ушел в сторону горящего поселения, а киевляне были обречены.

К полудню ни один из воинов еще не вернулся. Это не вызвало беспокойства. Небо резало глаза синевой, словно и не было на рассвете огненных всполохов. Легкий ветер гнал лишь редкие, похожие на рыбачью сеть, облака и нес запах рыбы и появившейся по берегам тины, но никак не гари и обожженной плоти. Время, проводимое с настырным монахом, тянулось медленно и нудно, точно на обряде крещения, который я ради любопытства однажды посетил в Новгороде. Тем удивительнее были слова Воробья о вновь появившихся на востоке киевлянах.

— Откуда вести? — резко вскочил я, и томик, сопровождаемый отчаянным взглядом отца Власия, упал с пня на траву у самой воды. Святоша охнул, всплеснул руками и, подняв книгу, бережно сдул с нее пыль и проверил, не попала ли на древние листы влага.

— От старосты, — ответил мальчишка, а мгновением позже я увидел и самого Вышеслава.

Он подъехал ко мне верхом на жеребце. Вооруженный мечом, облаченный в кольчугу, смотря на меня сверху вниз, староста выглядел внушительно, и его бочкообразное тело дышало мощью и силой.

— Киевляне! — он натянул уздечку, и скакун, всхрапнув, ударил воздух передними копытами, едва не угодив мне в голову. — Их больше, чем мы думали! Нужна помощь!

— Воробей, седлай коня! — велел я, и, когда мальчонка умчался, сверкая голыми пятками, посмотрел на старосту.

— Вернулся один из моих людей, — пояснил Вышеслав, поняв, что жду от него пояснений. — Он весь в крови. Время не терпит! Ты идешь со мной, ярл Кеттиль?

Конь, будто горя желанием броситься вдогонку ветру, прят ушами и переминался с ноги на ногу. Староста успокаивал его, похлопывая по шее и придерживая уздечку.

Отец Власий громким шепотом призывал Господа вразумить настырных киевлян, хотя, по мне, куда сподручней было бы убедить Тора нанести удар Мьельниром и обрушить на головы налетчиков гром и молнии.

Вышеслав ждал, и я кивнул, пусть даже червь сомнений точил душу изнутри. Что могло меня насторожить, не знаю. Обычный налет, коих случалось несчетное количество раз. Да, сейчас киевлян прибыло настолько больше, что посланный отразить нападение отряд не смог с ними справиться. Ну так для того я здесь и находился — чтобы самому обнажать меч и очищать землю новгородскую от нападков противника. Мне неоднократно приходилось это делать, и стычки уже вошли в привычку. В конце концов, за умение сражаться мне и платили эйрир серебра. И все же сатана, как говорил отец Власий, или Локи, как считал я, вкрадчиво нашептывал на ухо, что от этого похода не стоит ждать добра.

Чтобы отогнать дурные предчувствия прикоснулся к деревянной фигурке лебедя, и все же кивнул:

— Иду.

Приготовления были недолгими. Нас оставалось в Мокром не так много, потому к выбору воинов следовало подойти с умом. Я велел седлать коней почти двум десяткам людей, оставив для защиты поселения пятнадцать мечей под управлением Аскеля.

— Этого будет достаточно, чтобы отразить нападение, — огрызнулся я, когда брат попытался вразумить меня, приводя кучу доводов в пользу того, что при нем должно находиться больше воинов. — У тебя есть частокол, лук со стрелами и молитвы отца Власия.

Монах услышал эти слова и испуганно охнул. Слуге Господа следовало любить каждую тварь божью, даже такую скверную, как Аскель, но у отца Власия это плохо получалось. Он избегал с ним встреч и заводил разговор только в крайней нужде. Неприязнь была взаимной, и брат общался со святошей сквозь зубы. По мне, так оба друг друга стоили.

Аскелю мои слова так же не пришлись по нраву, и он предпринял еще одну попытку в надежде все же убедить меня. Но уступать брату я не собирался. При нем оставалось шесть новгородцев и с десятков людей Вышеслава — более чем достаточно! За Мокрое волноваться не стоило. Куда больше меня беспокоил неизвестный отряд киевлян. Потому я махнул рукой, чтобы прекратить лишние споры, и Аскель, бросив рассерженный взгляд на монаха, зашагал прочь. Губы отца Власия зашевелились в тихой молитве, в поисках защиты у Христа от гнева брата. Вдобавок к этому он открыл книгу, пролистал несколько страниц и, словно прочитав забытую фразу, неожиданно сказал:

— Ты не обязан это делать, господин.

— Чего? — уговоры порядком мне надоели. Как бы Аскель с монахом ни чурались друг друга, в умении вывести из себя одним взглядом или словом они были очень схожи. Чтобы не сказать лишнего, о чем после придется жалеть, обнажил меч и внимательно его осмотрел. Жизнь воина целиком зависит от остроты клинка, и своему я уделял время каждый день. Кровь тут же проступила на пальце, стоило прикоснуться к лезвию, и это не могло не радовать.

— Останься здесь, — напомнил отец Власий о себе. — Пусть Вышеслав разберется с ворогом. А ты должен защищать поселение. Такова воля князя.

— Князь велел мне следить за этими местами. Хорошо же я выполняю его волю, коли у меня под носом жгут дома и режут людей и скот.

— Но староста...

Отец Власий осекся, когда я, словно разминая плечо и руку, в нетерпении взмахнул мечом у его длинного носа.

— Выполняй староста то, что должно, меня бы здесь не было. — Клинок юркнул в ножны, а я повернулся к коню, проверяя, как закреплен к седлу щит. — Но я здесь. И своей рукой убью того, кто дерзнул обагрить эту землю новгородской кровью.

— Но ведь они могут появиться здесь, — дрожащим голосом выдавил из себя монах.

— Боишься за свою шкуру? — не смог я сдержать улыбку. — Не переживай, киевляне такие же христиане, как и ты. Тебя не тронут.

Шутка была грубой, и отец Власий скривился, будто раскусил неспелую ягоду крыжовника, и мне стало его жаль. Он отважно поступил в лесах Кириялаланда, рискнув с отрядом мертвецов, но, видимо, то был единственный его храбрый поступок.

— Перестань, — я похлопал его по плечу. — Мы вернемся, едва ты успеешь дочитать до конца пару страниц своей чудесной книги. Только отправим киевлян в христианский Ад, а ты помоги нам. Хорошенько помолись за нас своему Богу. Ты можешь, я знаю, — и вскочил в седло и поддал пятками коню в бока, оставив за спиной расстроенного монаха, коему надлежало весь оставшийся день разговаривать с Христом.

Похоже, в этот раз отец Власий молился из рук вон плохо.

* * *

Мы прибыли к поселению на закате. Оно называлось Грибное, и, увидев его, я понял почему. Десяток изб, не больше, словно разбросанные грибы, ютились на маленькой опушке.

Узкий рукав реки разрезал ее на равные половины, а дорога, вилимая между заборами и пробегая по хлипкому мосту, делила еще на две части.

Малоприметное место, но, что удивительно, даже здесь стояла небольшая кузня. И как раз у ее распахнутых настежь, так что виднелись наковальня и печь, врат творился ужас.

Дюжина всадников, держа наготове копыя, кружили среди избушек, пока мы, осматриваясь, скрывались за деревьями. Пятеро воинов, что-то крича, размахивали обнаженными мечами перед лицами нескольких несчастных жителей поселения. Стоя на коленях, те истекали кровью, а один из них едва не валился на бок от боли, и я заметил в бедре у него обломок копыя. Подле них лежали мертвецы. Я успел насчитать четверых, пока взгляд не упал на бледные ноги, торчащие из-под задранного подола, и остановился. Пощады не дождался даже женщины.

— Твари, — прошептал я.

Пятерка воинов продолжала измываться над пленным, находя забавным, как тот стонет и корчится от боли, когда дергаешь обломок копыя в ране. Всадники перестали кружить и наблюдали за происходящим, еще двое хватили мертвецов за ноги и оттащивали их в кузню.

Хорошее время для атаки, решил я. Не видно было ни одного воина, отправленного с Бьерном и Эгилем рано утром, и это беспокоило. Но враг уступал нам численностью и был увлечен кровавой забавой, мало заботясь о происходящем вокруг. Упустить такой случай никак нельзя! И в тот момент, когда призыв к бою, готовый сорваться, висел уже на краю моего языка, из врат кузни вышел воин. Он прикрывал голову шлемом, но я сразу узнал его. Подобные шлем и кольчуга могли принадлежать только одному человеку.

— Волчий Хвост!

Да, это был он! Волчий Хвост спокойно расхаживал среди врагов и даже указывал им, что делать. Более того, его беспрекословно слушались. Я отказывался верить глазам, но тени волков на кольчуге, хорошо видимые в лучах заходящего солнца, и черный мех на шлеме говорили убедительнее любых слов.

— Этого не может быть!

Я обернулся к Вышеславу и заметил, как исказилось от гнева его лицо. Похоже, и он не ожидал удара в спину.

— Волчий Хвост, — начал я и тут понял, что разъяренный взгляд старосты был направлен не на предателя, а на меня. В замешательстве осекся, и того краткого мгновения хватило, чтобы Вышеслав размахнулся и, издав звериный рык, нанес удар чем-то тяжелым мне по лицу.

В глазах потемнело, и я рухнул с лошади.

— Бей их! — издали, словно из тумана, донеслись крики старосты, и вслед за ними гулко застучали по щитам клинки. Послышались проклятия, вопли и хрипы. А затем я провалился во тьму.

Привело меня в чувство ведро холодной воды.

Я встряхнул головой, прогоняя боль, и попытался вытереть лицо. Руки оказались связаны, но, хвала Богам, их не удосужились скрутить за спиной, поэтому это удалось сделать без особых мучений. Однако тут же меня схватили и грубо поставили на колени.

— Ярл Кеттиль, — раздался сверху насмешливый голос, и я вынужден был поднять взгляд.

Передо мной верхом на коне, так же нетерпеливо переминающимся с ноги на ногу, вышлся староста. Рядом с ним восседал на скакуне Волчий Хвост. Он был как всегда спокоен, лишь слегка улыбался уголками губ. Похоже, предательство добавило ему настроения. Меня же переполняло желание броситься на них, пусть даже с голыми руками, но за спиной стояли киевляне, и краем глаза я видел сталь клинков. Бессмысленная смерть — не та цель, которую преследовал князь, отправляя нас в Мокрое, потому сдержал гневный порыв и отправил плеток, полный презрения, под ноги коню старосты.

Вышеслав ответил довольным смехом.

— Умерь свой гнев, ярл Кеттиль. Или ты хочешь быть на его месте? — он указал на лежащего подле меня мертвеца. Им оказался раненый в бедро бедняга, над которым измывались киевляне. Его мучения закончились, и теперь, как ранее других, его потянули за ноги внутрь кузни.

— Ты так же убил и моих людей? — спросил я, заранее понимая, каким будет ответ.

— Не всех, — неожиданно признался староста. — Один ушел. Шустрый сорванец. — Я первым делом подумал о Гриме. Юный северянин вызвался сопровождать нас, и кому, как не ему, удалось улизнуть из рук предателей. Грим отличался сообразительностью и обладал силой и храбростью, а, значит, для меня не все еще было потеряно. Но Вышеслав, подобно уставшим норнам-волшебницам, перерезающим нить жизни обреченного на погибель человека, бесстрастно изрёк: — Но это ему не поможет, в какую бы сторону он ни двинулся. До Новгорода не дойти, кругом волки Хвоста. А в Мокром беднягу ждет та же участь, что и остальных. К тому же несколько верных мечей уже идут по его следу.

Сердце сжалось, и я, стараясь говорить как можно уверенней, произнес:

— Какую же участь ты уготовил для меня?

Вышеслав улыбнулся, словно выпил ковш медовухи.

— Ярл Кеттиль, ты поверенный князя, и за тебя будет особый спрос. Потому руки у меня связаны, и просто перерезать твою глотку, как другим, я не могу. Новгород не так далеко, и весть о смерти ярла достигнет Ярослава очень быстро, как ни старайся я это скрыть, — он покачал головой с сожалением. — И все же, я уже решил, как поступлю с тобой. Хотя признаюсь, появись ты в Мокром прошлым летом, ярл Кеттиль, и я бы обнял тебя как родного брата...

— Зато теперь ты прижимаешь к сердцу совсем других родичей, — прервал его я, но староста пропустил язвительное замечание мимо ушей.

— С того лета столько воды утекло, ярл Кеттиль, — развел он руки в стороны, словно оправдываясь. — Многое изменилось. Уверен, ты поймешь меня.

— Никогда не пойму того, кто нарушает слово, — кровь вновь набежала на глаз, и я вытер лицо рукавом, после чего еще один презрительный плевок полетел коням под ноги.

Однако это только рассмешило Вышеслава.

— Ты чужак, ярл Кеттиль! И простой наемник! Что значит твое слово? И сколько тебе платит князь? И чем? Золотом? Серебром? Меха́ми? Может, и мне стоит нанять тебя?

— А ты попробуй.

Вышеслав помолчал, словно оценивая возможность сделки, после чего разочарованно вздохнул:

— Боюсь, у меня все же сейчас нет нужды в твоём мече.

— Потому что тебе самому платят из Киева?

Староста сощурился, на скулах забегали желваки, и я, решив, что тот в гневе обрушит на меня меч, приготовился встретить смерть, но он совладал с собой и неторопливо продолжил:

— Ты не жил здесь, ярл Кеттиль, и мало знаешь о том, что творится вокруг. Я свой выбор сделал, а ты нашел не то время, чтобы появиться в Мокром, и помешал мне. Очень сильно. Благодарю отца и его седую мудрость, он научил меня, как поступить с тобой.

Упоминание Улеба Черного удивило. Неужели, старик до сей поры продолжал наставлять сына?

— И за что же я должен благодарить твоего отца?

— За скорую смерть, что забудется уже завтра, — с особым удовольствием проговорил Вышеслав.

— Ты не посмеешь убить меня, — я попытался говорить спокойно и уверенно, хотя сердце билось о грудь, как волна о берег во время бури. — Как ни крути, а за это придется отвечать перед князем.

— Я тоже так думал, и поэтому ты прожил лишние две недели. Но огонь, ярл Кеттиль. Он не оставляет следов, — Вышеслав смаковал слова, словно держал во рту свежий мед. — Вспомни, ты сам это говорил.

В голове промелькнул вид несчастных, погребенных в день приезда из Новгорода, и по спине пробежал мороз. Волчий Хвост, похоже, приметил мое волнение, так как довольная улыбка, уже не прячась, легла на его уста.

— Но исчезновение меня и целого отряда новгородцев как-то надобно будет объяснить, — не сдавался я.

Вышеслав кивнул и указал на спящих по поселению воинов.

— Ты попал в плен к киевлянам, а твои люди преследуют их, — пояснил он.

Замысел старосты был очень прост и наивен, но, с сожалением понимал я, именно из-за этого вполне мог сработать.

— И как долго ты будешь лгать? Вечно это не сможет продолжаться.

— Не сможет, — согласился староста. — Но совсем скоро здесь будет войско князя Бориса.

От удивления я на миг забыл о своем плачевном положении. Киевская рать на подступах к Новгороду?! А князь Ярослав даже не подозревает об этом!

— Но они сотрут Мокрое с лица земли, — кивнул я в сторону родного Вышеславу поселения.

— Они нас не тронут.

— Откуда такая вера?

Староста засмеялся.

— Я же говорил, ты — чужестранец, ярл Кеттиль, и много не знаешь. Мой отец сражался в одной стене щитов с князем Владимиром. Это было давно, но Киев по сей день помнит верного слугу. А Волчий Хвост — воевода Бориса, — тому порука.

Вышеслав выдавал вести одну за другой, и каждая была всё поразительней. Они не укладывались в голову, и если бы связанные руки позволили, я бы обхватил ее, чтобы остановить безумный бег мыслей.

Ругательство сорвалось с губ, что вызвало лишь ухмылки всадников, после чего Волчий Хвост, наконец, прервал молчание:

— Довольно! Ты не находишь? — не сводя с меня пылающих ненавистью глаз, обратился он к старосте. — У меня нет времени на препирательства. Князь ждет, да и тебе надо поторопиться в Мокрое.

Тот лишь кивнул, потянув лошадь за уздечку, но я его остановил:

— Что будет с моими людьми в Мокром?

Вышеслав замер, словно решаясь с ответом.

— Они мне не нужны, — изрек он. — Но и отпустить их я не могу. Однако могу тебя уверить, ярл Кеттиль, смерть новгородцев будет легче, чем твоя.

— Но монах? — не верил я своим ушам. — Неужели ты убьешь и его?

— Знаешь, отец и сейчас добрым словом вспоминает старых богов, — староста с задумчивым видом уставился в темнеющее небо, будто узрел в нем Высшие Силы, о которых говорил.

— Но ведь Власий одной с тобой веры. К тому же, он слуга Господа!

Вышеслав оторвал взгляд от созерцания Богов и мрачно произнес:

— Значит, на небесах появится еще один святой, — после чего махнул стоявшим за моей спиной воинам. — Вы, трое. Принесите мне добрую весть о кончине ярла Кеттиля.

Все было сделано очень быстро. Не успел я даже привстать, чтобы броситься на Выше-слава или попытаться бежать, как получил увесистый тычок в спину, опрокинувший меня на землю. Попытки сопротивляться выглядели жалкими. Я получил несколько ударов в лицо, носок чьего-то сапога воткнулся в живот, сбив дыхание, рукоять меча рассекла бровь, глаз тут же оплыл. Хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, пнул кого-то коленом в пах. Вскрик боли порадовал, но тут же на голову обрушилось древко копья, и меня, едва не потерявшего сознание, подхватили под руки и кинули внутрь кузни.

Я упал на чье-то тело, липкое от крови, развернулся, чтобы встретить убийц, но ворота быстро захлопнулись. Раздались глухие удары молота, которые говорили об одном — выход заколачивали, оставляя меня наедине с мертвецами. И им оставалось только позавидовать.

Потому что сразу после этого я увидел языки пламени.

Глава 3

Видят Боги, я боялся огня.

Он согревал, разгонял тьму и диких зверей, дарил спокойствие. Но я все равно его боялся — до дрожи в пальцах и кома в горле. Вид тех ужасных останков, в которые превратило пламя моих повешенных родителей, до сих пор стоял перед глазами. Огонь был убийцей, беспощадным и неуязвимым. И теперь он пришел за мной.

Языки пламени с пробирающим до костей звуком лизали стены, сухое дерево с легкостью занималось. Дым ядовитыми змеями пополз по земляному полу.

Я торопливо оглянулся. Безропотно сдаваться на милость победителя не было никакого желания, умирать в мучениях — тоже. А потому необходимо было найти хотя бы призрачный способ спастись. Кузня оказалась небольшой, с одним, затянутым бычьим пузырем, окном. Пустые, ошетилившиеся крючьями, стены добавляли отчаяния — мерзавцы озаботились забрать все молоты, дабы у меня не возникло желания сломать ворота изнутри. В центре стояла наковальня, подле которой в страшную кучу были свалены мертвые тела поселян. Ледяной взгляд одного из убитых сверлил потолок. В углу ютилась печь, и рядом с ней я заметил бочку, полную воды, но от этого не становилось легче. Намочил волосы и плечи для призрачной защиты — и это всё, чем она смогла помочь.

Я кинулся к затянутому бычьим пузырем окну. В дыму мелькали силуэты всадников. Сквозь треск и гул слышались радостные крики и свист. Пламя лизнуло стену за окном, заставив меня отпрянуть. Резкий хлопок, казалось, пронзил самое сердце. Присел, ожидая, что горящая балка вот-вот рухнет на голову, но нет, это всего лишь лопнул бычий пузырь. Свежий воздух ворвался в кузню, и огонь, радостно завывая, с жадностью голодного хищника набросился на потолок и стены, отчего вниз пылающим дождем полетела пакля и мох. Я прикрыл голову руками и отступил к печи, где была хоть какая-то надежда укрыться от них. Споткнулся, упал. С губ сорвалось ругательство, и я успел заметить, как до неузнаваемости изменился голос — хриплый, дрожащий, полный ужаса и отчаяния.

Вскочил на ноги и тут увидел, за что зацепился. Весь пол кузни, как и в большинстве изб, виденных мною до этого, был земляным. И только у печи и под нею его выложили огромными камнями, один из которых и стал невольным виновником падения. Край его торчал из земли, и, не успев я подумать, как уже знал, что стоит сделать. Мысль была мимолетной и едва различимой в заполняющем пространство дыму, но пока она не сгорела дотла, схватился за нее крепче, чем кормчий за рулевое весло посреди шторма.

Я подбежал к камню, вцепился в торчащий край и потянул на себя. Тот прочно сидел в земле, но всё нарастающий гул придавал ярости моему напору, а жар — добавлял силы. С потолка что-то сорвалось, опрокинув бочку в углу. Вода пролилась на пол и с громким шипением устремилась паром вверх.

— Проклятье! — заорал я, и камень поддался. Оттолкнул его в сторону и ступил в получившуюся яму, глубиной почти по колено. Дальше было легче. Присел, поддел снизу следующий валун, заскрипел зубами. — Ну же, давай!

Жар становился невыносимым, пот лил ручьями, а в нос бил стойкий запах горячей плоти — на одном из мертвых тел занялась одежда. Дым клубами заволакивал кузню, оставляя все меньше воздуха. Я торопился, в кровь разбивая пальцы, языки пламени перед глазами рисовали ужасные картины, видимые как-то в книжонке отца Власия.

— Преисподняя, — говорил он тогда, сочно описывая муки грешников, изображенных на странице, а мне, как в тот раз, так и сейчас, представлялись огненные всадники Муспельхейма — Мира Огня, во главе которых скакала сама Хель. И на прием к царице Смерти я не торопился.

Вслед за первым камнем покатился второй, за ним — третий. Рубаха стала мокрой от пота, кашель разрывал грудь. Огонь был совсем рядом, а, значит, стоило поспешить. Оглянулся. Подле опрокинутой бочки лежали несколько кусков кожи, заготовленной ковалем для мехов. Один из них мог мне помочь, и я быстро схватил его. Затем подбежал к мертвецам. Одежда лежащего сверху пылала, обнажив почерневшие куски плоти. Тошнотворный запах бил в нос. Дым лез в глаза, выдавливая слезы. Ногой оттолкнул тело и потянул за ворот другое. Однажды отряд мертвецов спас мою жизнь, и теперь, похоже, еще один попытается меня выручить.

Подтащив мертвеца к яме, я сел в нее, укрылся куском кожи, сверху уложил тело и лег. Расчет мой был прост. В горячей кузне смерть могла поразить меня или огнем, или дымом. Языков пламени я боялся больше, и, если уж суждено умереть, то пусть это будет удушье. Но кто знает, может, моя никчемная жизнь еще нужна богам? Ведь именно об этом и говорили Кнут Безногий и Свана, а им я верил.

Вспомнив о дорогой сердцу девушке, нащупал на поясе мошну с фигуркой лебедя, вырезанную ее рукой, крепко зажмурился и вцепился в оберег, будто от него зависела моя жизнь. С губ сами собой слетали слова молитв. Я обращался к богам отца, обещая им в случае избавления богатые дары и жертвоприношения. Умолял распятого Христа, клянясь быть почтительным к церквям и святошам. Хоть кто-нибудь, но должен же был услышать несчастного калеку?! Я повторял их одну за другой, пока дым разъедал глаза, а кашель разрывал грудь. Где-то всплывали обрывки фраз из «Отче наш», нашептываемые устами матери. Где-то — воззвания к Одину, повторяемые хриплым голосом Торира.

Сверху что-то упало, похоже, балка. Тело мертвеца защитило от удара, несколько искр попали в яму, тут же, однако, потухнув. Одна или две попали на скулу. Острая боль раскаленной иглой пронзила голову. Крик едва сорвался с лопнувших от жара губ и тут же затих. Не хватало воздуха даже вздохнуть, не то что вскрикнуть.

Казалось, безумие захватило мой разум. Десятки образов крутились перед глазами — плачущая мать, скорбный святоша Власий, хмурый Торир, ухмыляющийся Халльвард, расстроенный отец, оскалившийся епископ Зигфрид, самоуверенный Рагнар, милая Свана. Лица сменяли друг друга, исчезая в языках пламени. Успел, было, подумать — вот она, смерть, — и на мгновение даже пожалел, что так и не успел отомстить за родителей, что убийцы продолжают ходить по земле и смеяться, вспоминая незадачливого мстителя. Мимолетным видением мелькнула недоступная для меня теперь Вальхалла, ведь я умирал не в бою с мечом в руке, а запекался, как молочный поросенок, в тесной яме.

Обида, горечь, страх, сожаление переполняли, заставляя стиснуть зубы и крепче сжать фигурку лебедя, как в этот момент тело мертвеца сползло с меня. Затем в сторону слетел кусок кожи. Жар набросился с новой силой. Я не открывал зажмуренных глаз, чтобы не видеть торжествующего пламени. Но вместо удара стихии и жуткой боли, что-то схватило меня за ворот и выволокло из ямы, куда-то упорно потянув. Не иначе, сам Сурт — вождь огненных великанов, решил закончить мои мучения. Сил сопротивляться уже не было. Я просто отдался на волю богам.

И сразу вслед за этим почувствовал свежий воздух.

* * *

Первые мгновения мне просто не удавалось вздохнуть. Кашель не отступал, сжимал грудь тисками. словно ярый христианин, я стоял на коленях и бился лбом о землю. Слезы, смешиваясь с пылью, превращались на черных от сажи щеках в дорожки грязи.

В это невозможно было поверить, но я выжил и не имел представления, кого благодарить в своем спасении. Язык пока не слушался, и слова не шли из измученного дымом горла, когда у

самого лица мелькнул нож. У меня не было сил даже пошевелиться, поэтому я просто наблюдал, как остро наточенная сталь легко разрезает путы на моих руках. И лишь отметил, что лезвие, окровавленное и еще не вытертое, совсем недавно так же просто рассекало чью-то плоть.

— Хвала Богам! Рад, что успел вытащить тебя, господин.

Впервые за долгий день улыбка тронула мои губы.

— Грим! Ах ты, прохвост! — мне, наконец, удалось сесть, после чего я поднял взгляд на спасителя. Не знаю, что в этот момент представлял из себя я сам, но Грим выглядел, словно только что побывал в Хельхейме. Избитое, покрытое ссадинами и порезами лицо, разорванный на боку кожаный доспех, пропитанный кровью и прилипшая к телу рубаха. Не лучше любого из мертвецов, брошенных в кучу посреди кузни. Однако это был он, и парень сиял ярче, чем пламя за его спиной. — Ты жив?

— Я-то да. А вот ты, господин, похоже, и впрямь решил помереть раньше времени. С трудом отыскал, уж думал, не успею.

Он протянул ковш с водой, и я залпом осушил его. Жажда это не утолило, но немного облегчило боль в груди.

— Как ты улизнул от людей старосты?

Грим усмехнулся:

— От них было проще скрыться, чем от назойливой шлюхи в «Китовом Усе».

«Китовый Ус», таверна в Раумарики, славилась подобным гостеприимством, однако я сомневался, что Грим успел им воспользоваться. Но, несмотря на шум в голове, мне достало ума не говорить этого вслух, зато вспомнилось другое.

— Вышеслав оставлял нескольких воинов ждать моей смерти.

— Трех, — кивнул парень в сторону кузни, где я увидел недвижимые тела. — Увальни, не шустрее тюленя на берегу.

— Но ты ранен, — указал я на кровь на его боку.

— Пустяк, — махнул он рукой, словно говорил о порезе пальца. — Клинок прошел по ребру. Кость не сломана. Жить буду.

— А те трое?

— Двое умерли, не успев моргнуть глазом, — не без хвастовства заметил Грим. — Третий еще жив. Думал, захочешь с ним побеседовать, господин.

— Ему будет, о чем рассказать?

— Не знаю, — пожал парень плечами и поморщился. Видимо, рана не была такой простой, как он ее представлял. — Скорее всего, да. Этот чужак не из Мокрого.

— Неужто? — с интересом спросил я. Человек из Киева всяко больше мог знать, чем воин Вышеслава, и решение Грима уж точно заслуживало похвалы.

— Только он молчит. И не похоже, что желает нам что-либо поведать.

В этот момент, выплюнув в небо столб дыма и усеяв его новыми, алыми звездами, с грохотом обрушилась крыша кузни, накрыла огненным пологом мертвецов, печь и яму, которая на краткий миг, но помогла мне спастись. Задержись Грим совсем не намного, и она стала бы моей могилой, а ловушка Вышеслава и Волчьего Хвоста сработала. Но Боги в этот раз повернулись лицом к сыну рабыни. Враги были убеждены в смерти мешающего им ярла, и в этом был мой шанс.

— Он заговорит, — со злостью проговорил я. Сжал зубы и встал на ноги. — Поверь, Грим. Он заговорит.

И чужак заговорил.

Завидев меня, он попытался молчать и одаривать презрительным взглядом, но пылающая головешка, которую я безжалостно воткнул ему в рану на плече, развязала язык быстрее, чем эль. Киевлянин рассказал все, что знал. После чего я пронзил ему сердце его же собственным мечом и задумался.

Услышанные вести дорогого стоили! Князь Борис только для виду посылал на новгородские рубежи отряд за отрядом, и те отлично справлялись с заданием — отвлекали Ярослава и своим числом словно говорили, что Киев не против той тягучей, как смола, войны, в которую втянулись братья. Стычки, как казалось, случались уже по привычке. Победителем из них попеременно выходили то новгородцы, то киевляне. И такие действия, похоже, устраивали всех, потому как большая битва не была нужна никому. Но на поверку вышло, что Борис считал по-другому. Пока убаюканный Ярослав сидел в Новгороде, он собрал войско, способное покорить восставший против воли князя Владимира город, сам же — был готов обрушить на брата карающий меч.

— Конунги должны знать об этом, — сказал Грим, пока я вытирал меч от крови об одежду только что убитого киевлянина.

Я был с ним согласен, но одна фраза, брошенная чужаком перед смертью, остановила готовый сорваться с уст приказ мчаться в Новгород.

— Старый Улеб убьет их всех!

Пленник говорил о моих людях в Мокром, и упомянул при этом отца Вышеслава. Старик, будучи сам одной ногой в ином мире, страстно жаждал смерти всем тем, кто хоть немного мог помешать честолюбивым планам его сына. Или то были помыслы самого Улеба? Прямой, как весло, в своих поступках Вышеслав ничего не смог бы поделаться с хитрым, изворотливым Аскелем, и будь противником только он, волноваться за брата не стоило бы. Но Улеб Черный — другое дело. Гибель, которую он предназначил мне, ужасала, но что он приготовил Аскелю и невинному святоше Власию? Несомненно было одно, их ожидали муки. Причем только за то, что они последовали за мной.

— Старый Улеб убьет их всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.